Надежда АЖГИХИНА

Американская казачка Елена Якобсон

Небольшая книжка двух неизвестных широкому российскому читателю поэтов Василия Обухова и Василия Логинова издана недавно в Нью-Хейвене (США). Книга не совсем обычная — и потому, что замечательный собиратель поэзии Эдуард Штейн в ряду других забытых русских книг издал ее на свой страх и риск, не надеясь на хотя бы самую маленькую прибыль от продажи экземпляров, и потому, что сборник двоих авторов сам по себе уникален: это своего рода поэтическая дуэль, состязание трубадуров у ног прекрасной дамы, в котором к тому и другому была оказана мимолетная милость, но каждый знает, что участь его по большому счету безнадежна. Книжка озаглавлена просто: «Елене».

Ясным осенним днем у бокового выхода из вашингтонского вокзала мы встретились с той, кому были обращены стихи, возникшие в далеком «русском Харбине», где в звуки и образы переплавлялись смятение и боль многих российских интеллигентов.

Перед этим мы разговаривали с Еленой Александровной ЯКОБСОН только по телефону — из Москвы и Нью-Йорка, и вот теперь ее образ почтенной дамы, сложившийся у меня после этих бесед, никак не связывался с реальностью. Маленькая, подтянутая, она, как стало очевидно в первые же минуты, привыкла руководить. Не только своей спутницей (в данном случае мной), но и той окружающей действительностью, которая опаздывала, клаксонила, готовилась к рождественским покупкам. Черта очень редкая у эмигрантов. Не менее удивительным показалось и другое: почти детская способность удивляться, какой-то юношеский интерес к тому, что происходит все равно где — в Вашингтоне, в России, в журналистике, в русских семьях — вообще вокруг.

— Вы посмотрите только, — восхищалась она в музее астронавтики (куда затащила меня, прокатив вокруг Белого дома и памятника жертвам Вьетнама), — представляете, вот эта самая штука побывала на Луне!

— А это, — показала она, когда мы подъехали к зданию Библиотеки Конгресса, — окно того самого

не заботилась о своей наружности. Несмотря на это, она была очень хороша, и у нее было много поклонников, которых она держала на почтительном расстоянии.»

Из книги Зинаиды Жемчужной «Пути изгнания»

Перевод на службу в Харбин, которого удалось добиться отцу Елены (в больнице КВЖД требовался старший врач), был своего рода спасением: в Москве семье бывшего белого офицера оставаться было все труднее. Жемчужные выехали из Москвы с заграничными паспортами граждан СССР. Но сохраняли их недолго.

«Последняя наша связь с Советским Союзом порвалась, когда я в очередной раз пошла в советское консульство за паспортами, отданными для пролонгации.

Удивительно, как даже в дышащем жизнью и изобилием Харбине можно было создать такую скучную, сухую, типично советскую атмосферу, какая была в канцелярии консульства. Мрачные коридоры, длинная, пустая приемная с неудобными скамейками без спинок, голые стены — хоть бы одна картина, хоть бы один журнал на столе, чтобы скрасить ожидание. Грубые лица и фигуры служащих.

Получив билетик с номером у неприветливой женщины за столиком, посетители уныло сидели или бродили по коридору. Вызывать не торопились. Женщины за конторкой делали вид, что они заняты, роясь в каких-то бумагах и книгах. Время от времени они исчезали на продолжительное время. Это было знакомое пренебрежение к человеку, унижение чувства его дос-

ЯКОБСОН

Луне!

— А это, — показала она, когда мы подъехали к зданию Библиотеки Конгресса, — окно того самого кабинета, в котором мой муж проработал двадцать лет...

Через судьбу Елены Якобсон прокатились все три волны российской эмиграции. Она покинула Россию еще девочкой, вместе с сестрой и родителями. И вся ее последующая жизнь прошла в изгнании — в Китае, Австралии, а последние сорок лет — в Соединенных Штатах, ставших второй родиной.

Ее отец, Александр Александрович Жемчужный, провинциальный врач, был родом из казачьей станицы Кореневской. В первую мировую был мобилизован, с начала гражданской войны участвовал во всех кубанских походах. «В январе 1918 года назначен заведующим больницей и врачебным участком, в начале 1918-го добровольно принял на себя формирование и заведование врачебно-санитарной частью отряда есаула Бардижа... был назначен старшим врачом полевого госпиталя, одновременно на него были возложены обязанности начальника военно-санитарной части Кубанского отряда... награжден знаком 1-й степени на георгиевской ленте... в конце 1919 года принял участие в создании самого крупного на Северном Кавказе издательства газет и учебных пособий, под его руководством издавались газеты «Кубанская воля», «Вестник верховного казачьего круга», «Труд»; перед оставлением Екатеринодара он был назначен начальником информационного отдела Кубанского правительства... Был назначен начальником военно-санитарной части отходивших с атаманом войск и вышел в поход в 1920 году. Во время катастрофы у Черного моря был пленен большевиками...» Это из справки штаба Кубанского казачьего войска в изгнании.

О том же, как все это происходило на самом деле, Александр Жемчужный написал в книге рассказов «Хорунжий Сергиенко», которая вышла в Харбине. Здесь вышли и первые книги матери Елены Александровны, Зинаиды Жемчужной.

«Большим утешением в моей жизни была наша дружба с Леной. В Советском Союзе у меня не было ни времени, ни «меня». Ей было 14 лет, когда мы приехали в Харбин, и я боялась, что советское воспитание уже наложило на нее свой отпечаток. Но она быстро приспособилась к новым условиям жизни, хорошо училась, сумела завоевать уважение своих соучеников, и ее выбрали старостой класса. Она была очень строга к себе, носила темные платья с глухими воротниками и

ких-то бумагах и книгах. Время от времени они исчезали на продолжительное время. Это было знакомое пренебрежение к человеку, унижение чувства его достоинства. Мало-помалу лица посетителей утрачивали уверенность, делались тревожными и сумрачными. Все молчали.

Наконец, после двухчасового ожидания, дошла очередь и до меня.

— В паспортах отказано, — торжествующе громко произнесла женщина со злыми глазами.

Присутствующие насторожились. Я была совершенно не готова к такому ответу.

тельная рука Москвы отрезала нас от нашей страны. Там ошибок не забывали.»

Из книги Зинаиды Жемчужной «Пути изгнания»

«Так вот что значит остаться без своей страны, без родины. Это значит — никогда больше не вернуться домой, никогда больше не увидеть своих близких. Как бы отрицательно мы ни относились к современному режиму, Россия все же оставалась нашей родиной. Мстительная рука Москвы отрезала нас от нашей страны.»

— Как отказано?

— Ваши паспорта были посланы в Москву, и отказ в пролонгации пришел оттуда.

— Но почему?

— Это уж вам лучше знать — почему. — К ее злорадному смеху присоединились и товарки.

Как оплеванная отошла я от конторки, провожаемая взглядами посетителей. Я чувствовала, что почва уходит из-под моих ног. Я поторопилась выйти и села на ступеньку лестницы. Так вот что значит остаться без своей страны, без родины. Это значит — висеть в воздухе, без защиты и без опоры. Это значит — никогда больше не иметь возможности вернуться домой, никогда больше не увидеть своих близких. Потрясла меня главным образом неожиданность отказа. Как бы отрицательно мы ни относились к современному режиму, Россия все же оставалась нашей родиной. Мсти-

Дочь врача с уральского завода, Зинаида Жемчужная была одной из первых московских студенток, учительствовала в провинции, вместе с детьми пережила революцию и гражданскую войну. Она писала о педагогике и семье, была автором повестей и новелл. Роман «От 18 до 40», основанный на автобиографическом материале, произвел в эмиграции очень сильное впечатление — мир чувств героини и откровенность повествования были столь неожиданны для иных читателей, что некоторые благочестивые мамаши запрещали дочерям покупать эту книгу.

Неудивительно, что Елена тоже очень рано начала заниматься литературным трудом, ее переводы и эссе печатали харбинские журналы и альманахи. Именно тогда ее благосклонности и добивались два русских поэта, посвятивших свою «дуэль» юной кра-

примеру, с мужем несколько лет не имели возможности сделать ремонт в доме — и это в то время, когда оба работали, муж занимал ответственный пост и принадлежал к влиятельным кругам Вашингтона.

Дом, в котором живет сейчас Елена Александровна, похож на соседние двух- и трехэтажные особняки в престижном районе Вашингтона. У парадного и черного входа зеленеют красивые деревья, машина припаркована обычно рядом с крыльцом. (Принципы Елены Александровны как водителя просты: максимальное удобство для себя и пассажиров, поэтому отнюдь не всегда она соблюдает строгие правила уличного распорядка и парковки).

Внутреннее убранство дома на московский взгляд кажется невероятно роскошным: просторные комнаты первого этажа — кабинеты, гостиная, уютная кухня, в меру крутая лестница в комнаты второго этажа. В этом доме они с мужем жили последние годы, после смерти Сергея Якобсона Елена Александровна осталась здесь одна. Дочь (живущая отдельно, как и во всякой американской семье) приезжает, когда Елена Александровна отдыхает на даче или где-нибудь гостит. Они ежедневно созваниваются по нескольку раз. Сын с семьей живет в Калифорнии.

— Посмотрите, какой у Наташи вкус, — говорит хозяйка, проводя маленькую экскурсию по дому, — вот как она картины развесила в моей спальне, пока меня не было. А это — кабинет моего мужа...Фотографии, портреты, поздравления от американского правительства. Молодые Эльза Триоле, Лиля Брик, Роман Якобсон...

Ее собственный кабинет — куда меньше. Книги, рукописи, фотографии семьи в станице Кореневской, диплом Императорского женского института, выданный Зинаиде Жемчужной, и фотография очень красивого человека в казачьем мундире — Александр Жемчужный в Австралии в канун девяностолетия.

После смерти мужа Елена Александровна основала стипендию для тех студентов русского происхождения (а позднее — и восточноевропейского), кто хотел бы изучать русскую историю и культуру. Была одним из инициаторов празднования в Амери-

савице Лене Жемчужной.

Она не вышла замуж ни за того, ни за другого. Вместе с семьей поехала еще дальше — в Австралию, где они обосновались в 1940 году. Здесь — новый поворот судьбы — доктор Жемчужный, в 64 года закончивший медицинский курс (диплом российского университета в Сиднее не признали), превращается в доктора Джеймса, который через очень короткое время становится знаменитостью: его метод лечения астмы, разработанный еще до 1917 года, оказался чрезвычайно действенным. Десятки австралийских детей и родителей жили и лечились в его доме-санатории, где трудилась не покладая рук вся семья. Здесь, в Австралии, мать Елены написала свою последнюю книгу — «Пути изгнания», книгу воспоминаний. А сама Елена покидает родных, пересекает океан и оказывается в центре послевоенной американской жизни, вливается в поток русской «второй волны»...

Соединенные Штаты были третьей «заграницей» для Елены Жемчужной. Может быть, поэтому она не так уж сильно переживала те трудности, которые кажутся эмигрантам непреодолимыми. Во-первых, после Австралии английский уже не был проблемой. Кроме того, ей пришлось видеть столь экзотические страны, что новые, американские привычки и стиль жизни уже не выглядели чем-то исключительным. «Пути изгнания» семьи Жемчужных выявили некоторые важные обстоятельства. Прежде всего то, что эмиграция — не только экстремальные условия, но и обычная жизнь, в которой важно оставаться верным собственным принципам и нравственным установкам. И что основой этой жизни для всех без исключения был и остается просто труд. Даже в самой богатой на свете стране ничего с неба в руки не падает. Первые неудачи на новом месте, которые часто кажутся несправедливостью, надо мужественно пережить и идти дальше. К этому Елена была готова с юности — семья провинциальных русских интеллигентов Жемчужных была исключительно трудовой, дочери помогали родителям всегда и во всем, в Харбине и в Сиднее, будь то подготовка рукописи в печать или уход за больными.

Переезд в Америку для Елены был важным этапом, настоящим рубежом. Здесь произошли важнейшие события ее жизни: встреча с Сергеем Якобсоном (братом знаменитого ученого Романа Якобсона), замужество, рождение сына и дочери, профессиональное признание как преподавателя и организатора университетской работы. Вместе с мужем, ставшим хранителем восточноевропейского архива Библиотеки Конгресса, Елена Александровна посвятила себя сохранению и изучению русской культуры. В ее воспоминаниях — встречи с Джорджем Кеннаном и первыми работниками организованного им института, политиками и художниками.

— Жили мы очень хорошо, все время работали, я не помню дня, когда бы можно было просто бездельничать. Сначали жили в небольшом доме, а нынешний дом купили уже потом, когда мой учебник стал бестселлером.

Елена Александровна основала кафедру славистики в университете Джорджа Вашингтона, которую долгие годы и возглавляла. Написала пять учебников русского языка (один из которых и был невероятно популярен в Америке в 60-е годы). Как она шутит, по ее упражнениям учились все ведущие советологи.

— У многих в России сложилось представление, — говорит она, — что теперь русские эмигранты в Америке живут в роскоши. Это не так, в основном все жили достаточно скромно, даже тогда, когда обстоятельства складывались в нашу пользу. Мы, к Была одним из инициаторов празднования в Америке торжеств, посвященных тысячелетию крещения Руси. На вопрос о том, какая из христианских ветвей церкви ей ближе, отвечает: «Я просто хожу в церковь».

Дочь Елены Александровны Наташа — американка. Она знаменита на весь Вашингтон тем, что недавно организовала клуб городской богемы «Хаос», где собираются художники, музыканты, поэты. Очень похоже на московский Домжур в старые добрые времена, еще до ремонта. К образу жизни дочери, к ее манере одеваться Елена Александровна относится как настоящая американская мать: не без иронии, но с пониманием. Не нравится ей только то, что Наташа предпочитает говорить по-английски.

Соединенные Штаты были третьей «заграницей» для Елены Жемчужной. Может быть, поэтому она не так остро переживала те трудности, которые кажутся эмигрантам непреодолимыми.

Зато друзья и знакомые Елены Якобсон — московские знакомые, хранительница нью-йоркского международного независимого книжного центра Вероника Штейн или писательница Алла Кторова — говорят, бывая у нее в гостях, только по-русски. И нынешним российским эмигрантам, оказавшимся в Америке, она советует не забывать родной язык. Потому что — она уверена — именно он помог ей по-настоящему войти в другую жизнь, после России. Хотя, конечно, ее эмигрантская судьба не похожа на судьбу эмигрантов «третьей» и тем более нынешней волны.

В последнее время она, закончив издание всех трудов мужа, начала работать над мемуарами. Недавно был закончен перевод их первых глав на русский язык. Ведь написаны они были по-английски.